

О РОЛИ УМОНАСТРОЕНИЯ (GESINNUNG)
В ЭТИКЕ И ФИЛОСОФИИ РЕЛИГИИ КАНТА
ЧАСТЬ 2

А.Н. Круглов¹

На основе изучения истоков кантовского термина *Gesinnung* и обзора проблем его перевода на английский язык, представленных в первой части статьи, исследуются те новации, которые привносятся Кантом в истолкование данного понятия в критический период. В «Критике практического разума» к таковым относятся вопросы явления *умонастроения* в чувственно воспринимаемом мире, метода установления и культуры истинно морального *умонастроения*, а также проблема неизменности *умонастроения* в прогрессе к добру. В «Религии в пределах только разума» новыми оказываются тезисы об *умонастроении* как внутреннем субъективном принципе максим, о добродетели как свидетельстве наличия *умонастроения*, о поступке как явлении *умонастроения*, о непостижимости *умонастроения* и его ноуменальном, сверхчувственном характере, о врожденности *умонастроения* в смысле его обретения не во времени, а именно в форме принятия свободным произволением, о единичности *умонастроения* и его неделимости на периоды, о революции в *умонастроении* в отличие от реформы эмпирического характера, о создании нового человека в отличие от ветхого как результате революции в *умонастроении*, о связи революции в *умонастроении* с «обращением» и вторым рождением. После обсуждения проблемы различения в переводах кантовских терминов *Gesinnung* и *Denkungsart*, а также обзора всех имеющихся вариантов перевода кантовского понятия *Gesinnung* на русский язык (стремление, склонность, намерение, добродетель, добродетельность, убеждение, чувствование, образ мыслей, мысли, настроение, настроенность и *умонастроение*) автор приходит к выводу о том, что для русских переводов кантовских сочинений критического периода лучше всего подходит унифицированный вариант «*умонастроение*».

Ключевые слова: *Gesinnung*, *Denkungsart*, история понятий, русские переводы Канта, «Критика практического разума», «Религия в пределах только разума».

¹ Российский государственный гуманитарный университет, 125993, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6.
Поступила в редакцию: 25.06.2019 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2019-4-2
© Круглов А.Н., 2019.

ON THE ROLE OF GESINNUNG
IN KANT'S ETHICS AND PHILOSOPHY
OF RELIGION
PART II

A.N. Krouglov¹

The sources of Kant's term *Gesinnung* and a review of the problems of its translation into English were presented in the first part of this article; the second part examines the novel features that Kant brings to the interpretation of this concept in the critical period. In the Critique of Practical Reason these include the questions of manifestation of *Gesinnung* in the world, apprehended through the senses, the method of establishing and the culture of truly moral *Gesinnung*, as well as the problem of the immutability of *Gesinnung* in the progress towards the good. The new theses that appear in Religion within the Bounds of Bare Reason are *Gesinnung* as the internal subjective principle of maxims, on virtue as evidence of the presence of *Gesinnung*, on act as a manifestation of *Gesinnung*, on the unintelligibility of *Gesinnung* in its noumenal, suprasensible character, on the innateness of *Gesinnung* in the sense that it exists not in time, but in the form of its acceptance by free expression of the will, on the singleness of *Gesinnung* and its indivisibility into periods, on revolution in *Gesinnung* as distinct from empirical reform, on the creation of the new human being as distinct from the ancient one as a result of the revolution of *Gesinnung*, on the link between the revolution in *Gesinnung* and "conversion" or second birth. After discussing the problem of distinguishing the terms *Gesinnung* and *Denkungsart* in translation as well as a review of all the existing variants of translating Kant's concept of *Gesinnung* into Russian (aspiration, inclination, intention, virtue, virtuousness, conviction, attitude, mode of thinking, thoughts, mood, disposition and *umonaastroenie*), the author comes to the conclusion that the uniform variant *umonaastroenie* is best suited for Russian translations of Kant's works.

Keywords: *Gesinnung*, *Denkungsart*, conceptual history, Kant's Russian translations, Critique of Practical Reason, Religion within the Bounds of Bare Reason.

¹ Russian State University for the Humanities, Miusskaya sq. 6, Moscow, 125993, Russia.
Received 25.06.2019.
doi: 10.5922/0207-6918-2019-4-2
© Krouglov A.N., 2019.

Значение умонастроения для этики Канта:² «Критика практического разума»

Уже в русских переводах «Основоположения к метафизике нравов» мы встречаем самые разные варианты для кантовского понятия *Gesinnung*, хотя и довольно последовательно применяемые. В первом переводе Якова Андреевича Рубана (ок. 1760 – после 1807) в качестве соответствия для *Gesinnung* выбрано устаревшее ныне «чувствование» (Кант, 1803, с. 36, 51, 61, 109, 110), хорошо соответствующее, однако, более позднему синодальному переводу Библии. Перевод Л.Д.Б. под редакцией Вениамина Михайловича Хвостова (1868–1920) 1912 г. во всех случаях последовательно передает *Gesinnung* как «настроение» (Кант, 1912, с. 26, 33, 39, 64). Иную последовательность можно обнаружить и в издании 1965 г. под редакцией Валентина Фердинандовича Асмуса (1894–1975): во всех случаях используется понятие «убеждение» (Кант, 1965в, с. 243, 250, 255, 277, 278). Этот же вариант воспроизводит в своем издании 1994 г. и Арсений Владимирович Гулыга (1921–1996) (Кант, 1994б, с. 177, 184, 189, 212, 213). В последнем переводе кантовского «Основоположения...» под редакцией Э.Ю. Соловьева и А.К. Судакова в двуязычном собрании сочинений Канта все немногочисленные, однако ключевые для произведения в целом пассажи, в которых Кант обращается к понятию *Gesinnung*, получают два варианта перевода: «настроение» (AA 04, S. 406; Кант, 1997б, с. 99, 117) и «умонастроение» (AA 04, S. 416, 435; Кант, 1997б, с. 129, 189). Но как же обстоит дело в «Критике практического разума», с которой и начинается подлинная карьера данного кантовского понятия?

В переводе Николая Матвеевича Соколова (1860–1908) для *Gesinnung* почти всегда – там, где это понятие не сливается с другим кантовским понятием *Denkungsart*, – используется «настроение» (AA 05, S. 114, 115, 116; Кант, 1897, с. 137, 139). В издании под редакцией Асмуса в отличие от «Основоположения к метафизике нравов» обнаруживается помимо «убеждения» еще и «образ мыслей» (AA 05, S. 114, 115; Кант, 1965а, с. 446, 447, 448). Гулыга, как и в случае с «Основоположением...», воспроизводит в 1994 г. варианты издания Асмуса (AA 05, S. 114, 115; Кант, 1994а, с. 510-511, 511, 512). Что же касается издания Соловьева и Судакова, то в нем сознательно

² Публикация первой части исследования: Круглов А.Н. О роли умонастроения (*Gesinnung*) в этике и философии религии Канта. Часть 1 // Кантовский сборник. 2019. Т. 38, № 3. С. 32–55.

Significance of *Gesinnung* for Kant's Ethics:² *Critique of Practical Reason*

In the early Russian translations of the *Groundwork of the Metaphysics of Morals* we encounter diverse, although consistently used, variants for Kant's concept of *Gesinnung*. The first translation by Yakov Ruban (*circa* 1760 – after 1807) conveys *Gesinnung* by the term “*chuvstvovanie*” (“attitude”) (Kant, 1803, pp. 36, 51, 61, 109, 110), a word which is now obsolete but accords well with the synodal translation of the Bible. The 1912 translation edited by Veniamin Khvostov (1868–1920) consistently uses “mood” for *Gesinnung* (Kant, 1912, pp. 26, 33, 39, 64). A different kind of consistency is displayed in the 1965 publication edited by Valentin Asmus (1894–1975): it invariably uses the term “conviction” (Kant, 1965c, pp. 243, 250, 255, 277, 278). This variant is reproduced by Arseniy Gulyga (1921–1996) in his 1994 edition (Kant, 1994b, pp. 177, 184, 189, 212, 213). The latest translation of Kant's *Groundwork* edited by Erich Solovyov and Andrey Sudakov in a bilingual collection of Kant's works uses two variants, “mood” (GMS, AA 04, p. 406; Kant, 1997b, pp. 99, 117) and “*umonastroenie*” (GMS, AA 04, pp. 416, 435; Kant, 1997b, pp. 129, 189) for the few, but crucial passages containing the term *Gesinnung*. But what of the *Critique of Practical Reason* with which the real career of this Kantian concept begins?

Nikolai Sokolov (1860–1908) nearly always translates *Gesinnung* as “mood” except when this concept merges with another Kantian notion, *Denkungsart* (*KpV*, AA 05, pp. 114, 115, 116; Kant, 1897, pp. 137, 139). The publication edited by Asmus, unlike the *Groundwork*, has “mode of thinking” along with “conviction” (*KpV*, AA 05, pp. 114, 115; Kant, 1965а, pp. 446, 447, 448). In 1994 Gulyga, as in the case of the *Groundwork*, reproduces the variants of the Asmus edition (*KpV*, AA 05, pp. 114, 115; Kant, 1994а, pp. 510-511, 511, 512). As for the Solovyov and Sudakov edition, it deliberately avoids uniformity in translating Kant's concept of *Gesinnung*, using various terms depending on the situation. Although “mood” is used more frequently than other terms (*KpV*, AA 05, pp. 115, 116; Kant, 1997а, pp. 597, 599 etc.), one also encounters “disposition” (*KpV*, AA 05, p. 72n, 116; Kant, 1997а, p. 465n,

² This study is a sequel to the article: Krouglov, A.N., 2019. On the Role of *Gesinnung* in Kant's Ethics and Philosophy of Religion. Part I. *Kantian Journal*, 38(3), pp. 32-55. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2019-3-2>.

осуществлен отказ от одного-единственного термина для передачи на русском кантовского понятия *Gesinnung*, а ситуативно применяются разные термины: хотя доминирует «настроение» (AA 05, S. 115, 116; Кант, 1997а, с. 597, 599 и др.), встречаются также «настроенность» (AA 05, S. 72 Anm., 116; Кант, 1997а, с. 465 прим., 599), «убеждение» (AA 05, S. 73; Кант, 1997а, с. 469), «намерение» (AA 05, S. 82, 144; Кант, 1997а, с. 497, 683), «стремление» (AA 05, S. 143; Кант, 1997а, с. 679), «образ мыслей» (AA 05, S. 83, 114, 155 Anm.; Кант, 1997а, с. 501, 595, 709 прим.) и «мысли» (AA 05, S. 140; Кант, 1997а, с. 671)³.

Если внимательно посмотреть на текст «Критики практического разума», избыливающий термином *Gesinnung*, и задать себе вопрос: добавляет ли и проясняет что-либо вторая «Критика» Канта по сравнению с «Основоположением...», в котором этот термин употреблен всего лишь шесть раз, то ответ будет скорее негативный — особенно если к «Основоположению...» присовокупить лекции по естественному праву.

Итак, если отталкиваться от «Основоположения...», то, во-первых, периодическое добавление предиката моральности и чистоты к умонастроению подчеркивает, что оно может быть и не моральным, а даже напротив⁴. Во-вторых, Кант напрямую отождествляет умонастроение и максимум воли, следуя в этом «Метафизике» А.Г. Баумгартена. В-третьих, под добродетелью Кант понимает нравственно доброе умонастроение. В-четвертых, сущностно добрым в действии по категорическому императиву является именно умонастроение, а не результат поступка. В «Естественном праве Фейерабенд» к этому добавляется еще несколько черт: в-пятых, противопоставляются явленное / внешнее и внутреннее умонастроения — и совесть, и совестливость относятся только к последнему. В-шестых, противопоставление поступков на основе умонастроений и поступков без оглядки на умонастроения лежит в основе противопоставления этики и права, что во многом переосмысливает сходное противопоставление религии и государства у М. Мендельсона.

На этом фоне «Критика практического разума» лишь повторяет и развивает эти тезисы. Чаще всего Кант по умолчанию говорит о моральном (нрав-

599), “conviction” (*KpV*, AA 05, p. 73; Kant, 1997a, p. 469), “intention” (*KpV*, AA 05, pp. 82, 144; Kant, 1997a, pp. 497, 683), “aspiration” (*KpV*, AA 05, p. 143; Kant, 1997a, p. 679), “mode of thinking” (*KpV*, AA 05, pp. 83, 114, 155n; Kant, 1997a, pp. 501, 595, 709n) and “thoughts” (*KpV*, AA 05, p. 140; Kant, 1997a, p. 671).³

If one reads attentively the text of the *Critique of Practical Reason*, in which the term *Gesinnung* abounds, and asks the question, does Kant’s second *Critique* add or clarify anything by comparison with the *Groundwork*, in which this term is used only six times? — the answer must be negative, especially if lectures on natural law are added to the *Groundwork*.

I proceed from the *Groundwork*. First, the occasional addition of the predicate of morality and purity to *Gesinnung* stresses that it may or may not be moral.⁴ Second, Kant explicitly identifies *Gesinnung* and the maxim of the will following A.G. Baumgarten’s *Metaphysica*. Third, by virtue Kant means morally kind *Gesinnung*. Fourth, it is *Gesinnung* and not the result of an act that is essentially kind in accordance with the categorical imperative. Kant’s *Feyerabend Lectures on Natural Law* adds several features: fifth, the manifest/external *Gesinnung* is opposed to the inner one with conscience, conscientiousness referring only to the latter. Sixth, the juxtaposition of actions based on *Gesinnung* and actions that do not look back to *Gesinnung* underlies the juxtaposition of ethics and right, which in many ways reinterprets a similar juxtaposition of religion and state by Moses Mendelssohn.

Against this background the *Critique of Practical Reason* merely elaborates and repeats these theses. More often than not, by default, he speaks about moral *Gesinnung* (mode of thinking, conviction, mood), without specifying what he has in mind. Nor does he explain amoral *Gesinnung*. As in the *Groundwork*, in the *Critique of Practical Reason* *Gesinnung* is linked with maxims, albeit less evidently so: while in 1785 he plainly identifies the two concepts, in 1788 he speaks of *Gesinnung* of maxims (*KpV*, AA 05, p. 84; Kant, 1996a, pp. 207-208), of *Gesinnung* introduced into maxims (*KpV*, AA 05, p. 86; Kant, 1996a, p. 209): “[...] whether the action was also done (subjectively) for the sake of the moral law, so that it has

³ В данном случае контексту Канта более всего близок Ф. Шиллер в «Пикколomini».

⁴ О роли умонастроения для корящегося в природе человека зла см.: (Konhardt, 1988). О добром и злом умонастроении см. также: (Hake, 2003, S. 35–37).

³ In this case F. Schiller in “The Piccolomini” comes closest to Kant’s context.

⁴ On the role of *Gesinnung* in the evil inherent in human nature see Konhardt (1988, pp. 397-416). On kind and evil *Gesinnung* see also Hake (2003, pp. 35-37).

ственном) умонастроении (образе мыслей, убеждении, настроении), не уточняя далее, о чем именно идет речь. Не проясняет он и неморальное умонастроение. Как и в «Основоположении...», в «Критике практического разума» умонастроение увязывается с максимами, хотя и менее очевидно: если в 1785 г. имело место прямое отождествление, то в 1788 г. речь идет об умонастроении максим (см.: AA 05, S. 84), об умонастроении, вносимом в максимы (см.: AA 05, S. 86): «...совершен ли поступок также (субъективно) ради морального закона и, следовательно, имеет ли он по своей максиме не только нравственную правильность как действие, но и нравственную ценность как настроение?» (AA 05, S. 159; Кант, 1997а, с. 723).

Поскольку речь идет не просто о максимах, а о максимах воли, в «Критике практического разума» проступает и этот аспект: Кант говорит о чистоте умонастроений (как максим) воли (см.: AA 05, S. 84), о моральном настроении воли (см.: AA 05, S. 113), которая «необходимо связана с сознанием определения воли непосредственно законом» (AA 05, S. 116; Кант, 1997а, с. 601). Для подчеркивания добродетельного умонастроения в «Критике практического разума» появляется даже новый термин *Tugendgesinnung*, «добродетельное умонастроение» (AA 05, S. 114, перевод мой. — А.К.). Добродетель Кант истолковывает в том числе как моральное умонастроение «в борьбе» (AA 05, S. 84; Кант, 1997а, с. 505), и по всей видимости речь идет о борьбе, или споре со склонностями (см.: AA 05, S. 147; Кант, 1997а, с. 691). В понимании добродетели как нравственного доброго умонастроения Кант теперь в большей степени подчеркивает законосообразный характер: «...добродетель, т.е. законосообразная настроенность из уважения к закону» (AA 05, S. 127; Кант, 1997а, с. 635). Соответствие умонастроения с моральным законом (см.: AA 05, S. 122; Кант, 1997а, с. 617) Кант фиксирует и без упоминания добродетели. Истинно нравственное умонастроение состоит в прямой преданности закону (см.: AA 05, S. 147; Кант, 1997а, с. 693); ценность же умонастроения, «полностью соответствующего моральному закону, бесконечна...» (AA 05, S. 128; Кант, 1997а, с. 635). Подчеркивание ценности умонастроения, а не просто поступков (см.: AA 05, S. 71; Кант, 1997а, с. 463), как это имело место и в «Основоположении...», оформляется в «Критике чистого разума» в терминологии, отсутствовавшей в 1785 г.: легальность поступков и моральность умонастроений (см.: AA 05, S. 151; Кант, 1997а, с. 697).

not only moral correctness as a deed but also moral worth as a disposition by its maxim" (*KpV*, AA 05, p. 159; Kant, 1996a, p. 267).

Because he speaks not simply of maxims but of maxims of the will, this aspect is also revealed in the *Critique of Practical Reason*. Kant speaks of the purity of dispositions (as maxims) of the will (*KpV*, AA 05, p. 84; Kant, 1996a, p. 208), of moral disposition of the will (*KpV*, AA 05, p. 113; Kant, 1996a, p. 231), which "is necessarily connected with consciousness of the determination of the will directly by the law" (*KpV*, AA 05, p. 116; Kant, 1996a, p. 233). To stress virtuous *Gesinnung*, the *Critique of Practical Reason* even introduces a new term, *Tugendgesinnung*, "virtuous disposition" (*KpV*, AA 05, p. 114; Kant, 1996a, p. 232). Kant interprets virtue, among other things, as moral *Gesinnung* "in conflict" (*KpV*, AA 05, p. 84; Kant, 1996a, p. 208), apparently referring to the struggle or dispute with inclinations (*KpV*, AA 05, p. 147; Kant, 1996a, p. 258). In interpreting virtue as moral, kind *Gesinnung* Kant now tends to stress more the lawful character: "[...] virtue, that is, a disposition conformed with law from respect for law" (*KpV*, AA 05, p. 127; Kant, 1996a, p. 243). Kant speaks of the correspondence of *Gesinnung* to the moral law (*KpV*, AA 05, p. 122; Kant, 1996a, p. 238) without mentioning virtue. Truly moral *Gesinnung* consists in direct abidance by the law (*KpV*, AA 05, p. 147; Kant, 1996a, p. 258); the value of *Gesinnung*, "completely conforming with the moral law is infinite [...]" (*KpV*, AA 05, p. 128; Kant, 1996a, p. 243). In the *Critique of Pure Reason* Kant's emphasis on the value of *Gesinnung*, and not simply of actions (*KpV*, AA 05, p. 71; Kant, 1996a, p. 197), as was also the case in *Groundwork*, is reflected in terminology that was absent in 1785: legality of actions and morality of dispositions (*KpV*, AA 05, p. 151; Kant, 1996a, p. 261).

Other features that clearly appear only in the *Critique of Practical Reason*, are perhaps the contrasting of moral good according to the letter and the spirit, the second variant being precisely a case of moral *Gesinnung* (*KpV*, AA 05, p. 72n; Kant, 1996a, p. 198n). But while this has more to do with rhetoric, in three other cases topics are touched upon that form a transition of sorts to *Religion within the Bounds of Bare Reason*. First, Kant deals with the topic of the appearance of the disposition⁵ in the world

⁵ Kant here seems practically to equate *Gesinnung* and character. In other contexts, however, he clearly separates moral *Gesinnung* and moral character (cf.: *KpV*, AA 05, p. 157; Kant, 1996a, pp. 265-266).

К тому, что отчетливо появляется только в «Критике практического разума», можно отнести, пожалуй, противопоставление морально доброго по букве и по духу, при котором второй вариант оказывается как раз случаем морального умонастроения (см.: AA 05, S. 72 Anm.; Кант, 1997а, с. 465 прим.). Но если тут все же речь идет больше о риторике, то в трех других случаях затрагиваются уже темы, служащие определенным переходом к «Религии в пределах одного только разума». Во-первых, Кант затрагивает тему явления умонастроения⁵ в чувственно воспринимаемом мире (см.: AA 05, S. 99; Кант, 1997а, с. 549) — прежде тематика кантовского трансцендентального идеализма применительно к умонастроению как-либо значимо не проявлялась. Во-вторых, Кант затрагивает проблему неизменности умонастроения в прогрессе к добру (см.: AA 05, S. 123 Anm.; Кант, 1997а, с. 621 прим.). В-третьих, в учении о методе чистого практического разума кёнигсбергский философ ставит вопрос о «методе установления и культуре истинно морального образа мыслей» (AA 05, S. 153; Кант, 1997а, с. 703). В этом последнем случае, пожалуй, можно даже сказать, что между «Критикой практического разума» и «Религией в пределах одного только разума» пролегает некоторая пропасть.

Но прежде чем перейти к трактату о религии, я затрону две текстологические сложности различного ситуативного перевода кантовского понятия *Gesinnung* в «Критике практического разума». Многократно применяемый здесь для перевода оборот «образ мыслей» ставит перед нами проблему различения двух кантовских терминов: *Gesinnung* и *Denkungsart*, а они порой произносятся Кантом на одном дыхании⁶. Заставляет спотыкаться в некоторых контекстах также выбранный Асмусом и Гульгой и временами сохраняемый Соловьевым вариант «убеждение»⁷. В том числе и поэтому мне представляется более удачным вариант «умонастроение», ибо он не совпадает с другими терминами из близкого понятийного ряда, который имеется у Канта для слова *Gesinnung*.

⁵ Кант здесь, похоже, практически отождествляет умонастроение с характером. Однако в иных контекстах он отчетливо разделяет моральное умонастроение и моральный характер (см.: AA 05, S. 157; Кант, 1997а, с. 715).

⁶ «... eine solche Gesinnung und Denkungsart» («... такое настроение и такой образ мысли» в двуязычном издании) (AA 05, S. 116; Кант, 1997а, с. 599).

⁷ «Die Überzeugung von der Unwandelbarkeit seiner Gesinnungen im Fortschritte zum Guten...» («Убеждение в неизменности своей настроенности в прогрессе к добру...» в двуязычном издании) (AA 05, S. 123 Anm.; Кант, 1997а, с. 621 прим.).

apprehended by the senses (*KpV*, AA 05, p. 99; Kant, 1996a, p. 219), the topic of Kant's transcendental idealism with reference to *Gesinnung* was not previously mentioned in any significant way. Second, Kant touches on the problem of the immutability of *Gesinnung* in the progress towards the good (*KpV*, AA 05, p. 123n; Kant, 1996a, p. 239n). Third, in the teaching on the method of pure practical reason Kant raises the question of "the method of founding and cultivating genuine moral dispositions" (*KpV*, AA 05, p. 153; Kant, 1996a, p. 262). In the latter case one might say that there is a certain gap between the *Critique of Practical Reason* and *Religion within the Bounds of Bare Reason*.

However, before I pass on to the treatise on religion I would like to mention two textological difficulties stemming from disparate contextual translations of Kant's concept *Gesinnung* in the *Critique of Practical Reason*. The multiple use of the translation "mode of thinking" confronts us with the problem of distinguishing two Kant's terms: *Gesinnung* and *Denkungsart*, which Kant sometimes utters in the same breath.⁶ The variant "conviction" chosen by Asmus and Gulyga and sometimes retained by Solovyov also makes one stumble.⁷ It is partly due to this that I think "umonastroenie" is a more felicitous term because it does not coincide with other terms from the same semantic field that Kant uses for *Gesinnung*.

Besides, it has to be noted that this translation has long, though not invariably, been used in Russian editions of Hegel.⁸ I believe the choice of this variant by Sudakov in the *Groundwork*, and by Ludmila Kryshtop in Kant's *Feyerabend Lectures on Natural Law* is justified. Another reason that prompts the use of this notion is that in *Gesinnung* Kant actualises not only the intellectual but in some ways the sensible component, which

⁶ "[...] eine solche Gesinnung und Denkungsart" (cf. "[...] such a disposition and cast of mind [...]") (*KpV*, AA 05, p. 116; Kant, 1996a, p. 233).

⁷ "Die Überzeugung von der Unwandelbarkeit seiner Gesinnungen im Fortschritte zum Guten [...]" (cf. "Conviction of the immutability of one's disposition in progress toward the good seems [...]") (*KpV*, AA 05, p. 123n; Kant, 1996a, p. 239n).

⁸ For examples cf. Hegel 2009, pp. 211-212, § 268; Hegel, 1990, p. 292; Hegel, 1986, p. 251, § 32; pp. 251-252, § 33; p. 252, § 34; Hegel, 1971, p. 55. In § 32 of *Philosophical Propedeutics* the concept *Gesinnung* is translated as "umonastroenie", also, however as "mode of thinking". The concept is translated as "mode of thinking" in some other works of Hegel (cf. Hegel, 1992, p. 495, § 515; Hegel, 1977, p. 340; Hegel, 1989, p. 348; Hegel, 1959, p. 252).

Кроме того, стоит отметить, что подобный перевод уже продолжительное время — пусть и не во всех случаях — используется в русских изданиях Гегеля⁸. Выбор именно этого варианта Судакowym в «Основоположении к метафизике нравов», а Л.Э. Крыштоп в «Естественном праве Фейерабенд» мне кажется оправданным. Еще одна причина обратиться именно к этому понятию состоит в том, что Кант в случае *Gesinnung* актуализирует не только интеллектуальную, но, некоторым образом, и чувственную составляющую. Это понятно как из предистории наречия *gesinnet* в библейских переводах, так и из приписывания *Gesinnung* и Хр.А. Крузием, и Мендельсоном не душе в смысле *Seele*, а душе в смысле *Gemüt*, а последняя как раз объемлет в себе и умственную, и чувственную, и волевою составляющие. В этом смысле *Gesinnung* напоминает некоторые типичные для Канта понятия-гибриды, призванные перебросить мосты между непроходимыми сферами, как, например, уважение в практической философии или схема как трансцендентальное временное определение в теоретической философии. И если в настроении или настроенности превалирует ненужная психологическая составляющая, на которую жалуются противники английского *attitude*, но при этом все же подчеркивается некий чувственный или, выражаясь современным языком, эмоциональный план, то в умонастроении все это объединено с интеллектуальной сферой. К возможным недостаткам такого варианта можно отнести позднесоветский контекст, в котором понятие умонастроения было несколько затерто его применением к различным политическим -измам, подразумевавшим к тому же нечто коллективное, а не индивидуальное, как это имеет место у Канта. Однако сейчас и этот контекст уже стал историей.

Если же, не обращая внимание на современное передовое англоязычное кантоведение, открыть словари не XXI в., а конца XVIII — начала XIX в. и оценить возможные русские переводы с этой точки зрения, то мы обнаружим, что по сравнению с серединой XVIII в. к 1798 г. *Gesinnung* уже стало стандартным словарным словом. В словаре Ивана Андреевича Гейма (1759–1821) 1801 г., то есть в изда-

is clear both from the pre-history of the adverb *gesinnet* in biblical translations and from the fact that both C.A. Crusius and Mendelssohn ascribe *Gesinnung* not to the soul in the sense of *Seele*, but to the soul in the sense of *Gemüt*, the latter comprising intellect, senses and will. In that sense *Gesinnung* resembles some hybrid concept characteristic of Kant, called upon to build bridges between impenetrable spheres such as: respect in practical philosophy or scheme as a transcendental, temporal definition in theoretical philosophy. While “mood” or “disposition” has an unnecessary psychological connotation which the opponents of the English “attitude” complain about, *umonastroenie*, still stressing a sensible or emotional level (to use modern terminology), combines all this with the intellectual sphere. Perhaps a shortcoming of this variant is the late Soviet context in which the concept of *Gesinnung* was somewhat overused to refer to various -isms which, among other things, imply something collective and not individual as with Kant. Today though this context has become history.

However, if we ignore advanced modern English-language studies and open not twenty-first-century dictionaries but those of the late eighteenth and early nineteenth century we will find that, compared with the middle of the nineteenth century, by 1798 *Gesinnung* had become a standard dictionary entry. The 1801 dictionary by Ivan Geim (in German: Heym, 1759–1821), i.e. a dictionary published in Kant’s lifetime, unequivocally defines the verb *gesinnen* as “to cerebration” and “to think” and not “to feel”. Besides, it connotes intention, design and disposition. For *Gesinnung* only two variants are proposed: “opinion” and “thought” (Heym, 1801, p. 430). Another dictionary published at the time of the *Metaphysics of Morals* has this interpretation of the adverb *gesinnet*: “to be disposed” and “to have the spirit,” of which the Church Slavonic equivalent is “to mind”. *Gesinnung* is understood as “disposition” and “intention” (*Gesellschaft von Gelehrten*, 1798, p. 679). These dictionaries of Kant’s time demonstrate several important features. First, we clearly see in them precisely the intellectual and not the sensible connotation of *Gesinnung* (“to cerebration”, “to think”, “thoughts”). Second, the Church Slavonic equivalent, mentioned above with reference to Bible translations, “to mind”, confirms its intellectual interpretation. Third, the word carries the connotations of intention, design as well as disposition. As for “opinion”, it is totally unsuited for

⁸ В качестве примеров см.: (Hegel, 2009, S. 211–212, § 268; Гегель, 1990, с. 292; Hegel, 1986, S. 251, § 32; S. 251–252, § 33; S. 252, § 34; Гегель, 1971, с. 55). Правда, в § 32 «Философской пропедевтики» *Gesinnung* переводится и как «умонастроение», и как «образ мыслей». Как «образ мыслей» это понятие передано и в ряде других работ Гегеля (см.: Hegel, 1992, S. 495, § 515; Гегель, 1977, с. 340; Hegel, 1989, S. 348; Гегель, 1959, с. 252).

нии, вышедшем еще при жизни Канта, для глагола *gesinnen* совершенно недвусмысленно указывается значение «мыслить» и «думать», а не «чувствовать». Кроме того, здесь присутствуют еще и значения намерения, умысла и расположения. В отношении же *Gesinnung* предлагается только два варианта: «мнение» и «мысль» (Словарь немецко-русский и русско-немецкий, 1801, ст. 430). В другом словаре времен «Метафизики нравов» наречие *gesinnet* толкуется так: «быть расположенным» и «иметь дух», чему в церковнославянском соответствует «мудрствовать». *Gesinnung* же понимается как «расположение» и «намерение» (*Vollständiges Deutsch-Russisches Lexicon*, 1798, S. 679). Эти словари кантовского времени демонстрируют нам несколько важных нюансов. Во-первых, мы ясно видим в них именно интеллектуальную, а не чувственную составляющую понятия *Gesinnung* («мыслить», «думать», «мысли»). Во-вторых, совершенно четко указывается и его церковнославянский эквивалент, о котором ранее уже шла речь на примерах переводов Библии, — «мудрствовать», и он снова подтверждает это интеллектуалистское толкование. В-третьих, в данном слове проступает и тема намерения, умысла, а также расположения. Что же касается «мнения», то оно совершенно не подходит для кантовских текстов. Возвращаясь к умонастроению, подчеркну, что оно довольно сносно отражает эту интеллектуальную составляющую, не исключая при этом и чувственно-эмоциональную.

**Значение умонастроения
для философии религии Канта:
«Религия в пределах одного только разума»**

На русском языке имеется два полных издания «Религии в пределах одного только разума» — в переводе Соколова (1908 г.), который в кантовском собрании сочинений Гульги (1994 г.) был отредактирован Александром Викторовичем Михайловым (1938–1995). Кроме того, первая часть трактата — «Об изначально злом в человеческой природе» — была на основе перевода Соколова опубликована в советском шеститомнике Канта под редакцией Асмуса (1965 г.). Соколов использовал преимущественно два варианта для перевода *Gesinnung*: «образ мыслей» (AA 06, S. 32, 35, 37; Кант, 1908, с. 29, 34, 36) и «настроение» (AA 06, S. 14, 38; Кант, 1908, с. 14, 37). В редакции Асмуса вариантов чуть больше: «образ мыслей» (AA 06, S. 30, 35; Кант, 1965б, с. 32, 37), «намерение» (AA 06, S. 37, 38; Кант, 1965б, с. 40, 41),

Kant's texts. Going back to *Gesinnung*, let me stress that it adequately reflects the intellectual component without excluding the sensible and emotional one.

**The Significance of *Gesinnung* for Kant's
Philosophy of Religion:
*Religion within the Bounds of Bare Reason***

There are two complete Russian editions of *Religion within the Bounds of Bare Reason*, translated by Sokolov (1908), edited in Gulyga's Kant collection (1994) by Alexander Mikhailov (1938–1995). In addition, the first part of the treatise, "On the Radical Evil in Human Nature", was published on the basis of Sokolov's translation in the Soviet six-volume collected works of Kant and edited by Asmus (1965). Sokolov used mainly two variants of translation of *Gesinnung*: "mode of thinking" (RGV, AA 06, pp. 32, 35, 37; Kant, 1908, pp. 29, 34, 36; Kant, 2009, pp. 35, 39, 41) and "mood" (RGV, AA 06, pp. 14, 38; Kant, 1908, pp. 14, 37; Kant, 2009, pp. 13, 41). The Asmus edition has slightly more variants: "mode of thinking" (RGV, AA 06, pp. 30, 35; Kant, 1965b, pp. 32, 37; Kant, 2009, pp. 33, 39), "intention" (RGV, AA 06, pp. 37, 38; Kant, 1965b, pp. 40, 41; Kant, 2009, pp. 41, 42), "conviction" (RGV, AA 06, p. 14; Kant, 1965b, p. 19; Kant, 2009, p. 13). The Mikhailov edition adds still more variants: "mode of thinking" (Kant, 1994c, pp. 23, 25), "conviction" (Kant, 1994c, pp. 17, 38, 39), "intention" (Kant, 1994c, p. 39), "disposition" (Kant, 1994c, p. 185), "umonastroenie" (Kant, 1994c, p. 191, 219), "thoughts" (Kant, 1994c, p. 217). Thus, the translation of Kant's concept *Gesinnung* turns out to be as situational⁹ as in the the *Critique of Practical Reason* edited by Solovyov. True, the translation of the treatise on religion adds nothing new to the variants of translation of pre-critical works, the *Metaphysics of Morals* and the *Critique of Practical Reason*. Already in Crusius one can notice a convergence of *Gesinnung* and *Gedenkensart*. In Kant's *Religion with-*

⁹ However, a noticeable degree of consistency is observed in some parts: thus in section C, "Difficulties Opposing the Reality of This Idea, and Their Solution" (Piece 2), *Gesinnung* is almost everywhere translated into Russian as "mode of thinking", whereas in "General Comment" (Piece 4) mainly as "conviction". In another Slavic language — Polish — in a translation of *Religion within the Bounds of Bare Reason* by Alexander Bobko (cf. Kant, 2011) a uniform variant has been chosen: "*usposobienie*", which means on the one hand a mood or disposition and on the other hand temper or character. The same term is used in Polish to translate Weber's expression *Gesinnungsethik*.

«убеждение» (AA 06, S. 14; Кант, 1965б, с. 19). В редакции же Михайлова вариантов прибавилось: «образ мыслей» (Кант, 1994в, с. 23, 25), «убеждение» (Кант, 1994в, с. 17, 38, 39), «намерение» (Кант, 1994в, с. 39), «настроенность» (Кант, 1994в, с. 185), «умонастроение» (Кант, 1994в, с. 191, 219), «мысли» (Кант, 1994в, с. 217) — тем самым перевод кантовского понятия *Gesinnung* оказывается здесь таким же ситуативным⁹, как и в «Критике практического разума» под редакцией Соловьева. Правда, по сравнению с уже знакомыми вариантами перевода по докритическим сочинениям, «Основоположению к метафизике нравов» и «Критике практического разума» ничего нового в переводах трактата о религии не добавилось. Уже у Крузия было заметно сближение *Gesinnung* и *Gedenkensart*. У Канта же в «Религии в пределах одного только разума» встречается пара *Gesinnung* и *Denkungsart*. Особенно в редакции Михайлова между ними стерлись практически всякие различия; более того, они иногда как будто встают на место друг друга.

Проблема эта и вправду серьезная, поскольку у Канта в самом деле налична тенденция к синонимии этих двух понятий. Однако между ними в ряде случаев можно провести довольно принципиальные различия. Во-первых, в понятии *Denkungsart* нет явной волевой составляющей, а в *Gesinnung* она имеет место. Во-вторых, если в «Основоположении...» и в «Критике практического разума» понятие *Gesinnung* нередко объединяло в себе как чувственное, так и интеллектуальное, то понятие *Denkungsart* относится исключительно к сфере интеллектуального. В-третьих, в «Религии в пределах одного только разума» понятие *Gesinnung* и вовсе нередко оказывается отнесенным к сверхчувственному, интеллигибельному, в своих глубинах непознаваемому, в то время как понятие *Denkungsart* как нечто интеллектуальное направлено все же, согласно «Критике чистого разума», на чувственность. Наконец, в-четвертых, иногда понятие *Denkungsart* приобретает у Канта

⁹ Впрочем, в рамках некоторых разделов сохраняется заметная последовательность: так, в разделе «Трудности в отношении реальности этой идеи и их разрешение» (ч. 2) *Gesinnung* почти везде переводится как «образ мыслей», в то время как в «Общем замечании о средстве снискания благодати» (ч. 4) — преимущественно как «убеждение». В другом славянском языке — польском — в переводе «Религии в пределах одного только разума» Александром Бобко (см.: Kant, 2011) выбран единый вариант перевода «*usposobieńie*», означающий, с одной стороны, настроение и расположение, а с другой стороны, темперамент, нрав, характер. Этот же термин используется в польском языке и для перевода выражения М. Вебера *Gesinnungsethik*.

in the Bounds of Bare Reason these concepts *Gesinnung* and *Denkungsart* make a pair. In Mikhailov's edition especially, practically all the differences are erased; moreover, the terms are sometimes interchangeable. It is indeed a serious problem because Kant does indeed tend to treat the two concepts as synonyms. And yet in a number of cases fundamental differences can be found. First, the concept of *Denkungsart* has no clear connotation of the will, while *Gesinnung* does have it. Second, while in the *Groundwork* and in the *Critique of Practical Reason* the concept of *Gesinnung* often combined the sensible and the intellectual, the concept of *Denkungsart* pertains exclusively to the intellectual sphere. Third, in *Religion within the Bounds of Bare Reason* the concept of *Gesinnung* not infrequently refers to the suprasensible, intelligible and not comprehensible deep down whereas the concept of *Denkungsart* as something intellectual still gravitates, according to the *Critique of Pure Reason*, to sensibility. Fourthly and finally, sometimes the concept of *Denkungsart* in Kant acquires a specific meaning of the mode or method of interpretation, reasoning,¹⁰ which obviously does not suit the term *Gesinnung*. Having said that, in some key parts of the treatise on religion Kant treats these two concepts almost as synonyms, and that includes Kant's reflections on the revolution of *Gesinnung*.

Before I pass on to the novel features the concept of *Gesinnung* acquires in Kant's treatise on religion I would like to recap the features of the term known from his previous ethical works. The features that are important for Kant include the close inner connection between *Gesinnung* and maxim, *Gesinnung* and virtue, the link between *Gesinnung* and action, the struggle of *Gesinnung* against inclinations, the link of *Gesinnung* with character, the role of *Gesinnung* in the progress towards the good, the problem of nurturing *Gesinnung*, and finally, the distinction between the phenomenon and the thing in itself when discussing *Gesinnung*. On the other hand, when discussing *Gesinnung* in *Religion within the Bounds of Bare Reason* the opposition of ethics and law as well as the link between *Gesinnung* and moral law,¹¹ and not just duty, recede into the background. Even so, what seem to be features of *Gesinnung* that occur in Kant's previous works acquire a new character.

¹⁰ A vivid example is Kant's distinction between latitudinarians and rigorists (RGV, AA 06, p. 22; Kant, 2009, pp. 22-23).

¹¹ For a rare example cf. RGV, AA 06, p. 66; Kant, 2009, p. 73.

специфический смысл способа или метода истолкования, интерпретации, рассуждения¹⁰, что явно не подходит для термина *Gesinnung*. Все это не отменяет того факта, что в некоторых ключевых разделах трактата о религии эти два понятия у Канта сближаются почти до синонимии, включая и кантовские раздумья о революции в *Gesinnung*.

Прежде чем я перейду к тем новациям, которые обретает понятие *Gesinnung* в трактате Канта о религии, отмечу уже известные по предыдущим его этическим произведениям характеристики данного термина. Для Канта сохраняют важность тесная внутренняя связь между умонастроением и максимой, умонастроением и добродетелью, взаимосвязь между умонастроением и поступком, борьба умонастроения со склонностями, связь умонастроения с характером, роль умонастроения в прогрессе к добру, проблема воспитания умонастроения, наконец, различение при обсуждении умонастроения явления и вещи в себе. С другой стороны, в «Религии в пределах одного только разума» при обсуждении умонастроения на второй план уходит противопоставление этики и права, а также тема связи умонастроения с моральным законом¹¹, а не просто долгом. Тем не менее даже, казалось бы, общие с предыдущими трактатами характеристики умонастроения обретают в сочинении Канта о религии новые черты.

Во-первых, умонастроение понимается теперь не просто как максима, и тем более не как нечто вносимое в максиму: умонастроение представляет собой основание (см.: AA 06, S. 21; Кант, 1994в, с. 20), внутренний субъективный принцип максим (см.: AA 06, S. 22 Anm., 37; Кант, 1994в, с. 22 прим., 38), первое субъективное основание принятия максим (см.: AA 06, S. 25; Кант, 1994в, с. 25), правило действий (см.: AA 06, S. 66; Кант, 1994в, с. 66). Сами разнообразные максимы нуждаются в некоем принципе или основании, в качестве которого и выступает умонастроение — вероятно, в этом случае и само оказывающееся частным случаем особой максимы, или максимы максим. Во-вторых, имеющаяся взаимосвязь с добродетелью и поступком обретает несколько иную природу. Отныне добродетель как умонастроение, имеющая твердую основу и направленная на то, чтобы точно исполнять свой долг

¹⁰ Наглядный пример — кантовское различение латитудинариев и ригористов (см.: AA 06, S. 22; Кант, 1994в, с. 22).

¹¹ Редкий пример см.: (AA 06, S. 66; Кант, 1994в, с. 68).

First, *Gesinnung* is now understood not only as a maxim or something introduced into the maxim: *Gesinnung* is the foundation (RGV, AA 06, p. 21; Kant, 2009, p. 21), the inner subjective principle of maxims (RGV, AA 06, p. 22n, 37; Kant, 2009, p. 23n, 37), the first subjective reason for espousing maxims (RGV, AA 06, p. 25; Kant, 2009, p. 26), the rule of actions (RGV, AA 06, p. 66; Kant, 2009, p. 74). The diverse maxims themselves need some principle or grounding, which is provided by *Gesinnung*, which in this case probably turns out to be a particular case of a special maxim, or a maxim of maxims. Second, the existing interdependence between virtue and action acquires a somewhat different nature. Henceforth virtue, like *Gesinnung*, having a solid foundation and aiming at precisely fulfilling its duty (RGV, AA 06, p. 23n; Kant, 2009, p. 23n), itself attests to the existence of *Gesinnung*. Moreover, only virtue can demonstrate *Gesinnung* in all its glory (RGV, AA 06, p. 35; Kant, 2009, p. 39). But if we consider virtue outside the performance of an action, not as something manifest, it is hard to judge about its presence, which is why one cannot assess *Gesinnung* simply as a virtue, but also on the basis of acts as phenomena (RGV, AA 06, p. 70n; Kant, 2009 p. 80n), and in general we know about our *Gesinnung* and do not measure it directly but only by actions (RGV, AA 06, pp. 75-76; Kant, 2009, pp. 84-86). Thus, the question here is not what has genuine moral value — *Gesinnung* or the action — but the fact that we have no other source for assessing *Gesinnung* except an indirect one in the shape of performed acts. Of course, all this is only possible because now *Gesinnung* itself is something unintelligible. And now it is time to pass on to Kant's innovations in his treatise *Religion within the Bounds of Bare Reason*.

Kant persistently stresses that the underlying subjective foundation of adopting maxims is unknowable (RGV, AA 06, p. 21n; Kant, 2009, p. 21n): we are incapable of penetrating into “the depths” (RGV, AA 06, p. 63; Kant, 2009, p. 70), “the innermost element” (RGV, AA 06, p. 169; Kant, 2009, p. 186)¹² of *Gesinnung* (RGV, AA 06, p. 71; Kant, 2009, p. 81). Thus *Gesinnung* becomes a noumenon, and *Gesinnung* is from the beginning examined in the framework of the opposition between *virtus noumenon* and *virtus phaenomenon* (RGV, AA 06, p. 14; Kant, 2009, pp. 13-14). *Gesinnung* is not simply something intellectual (RGV, AA 06, p. 170n; Kant, 2009,

¹² Cf. Friedrich Schiller “The Piccolomini”.

(см.: AA 06, S. 23 Anm.; Кант, 1994в, с. 23 прим.), сама свидетельствует о наличии умонастроения. Более того, лишь добродетель и может продемонстрировать умонастроение во всей его красе и силе (см.: AA 06, S. 35; Кант, 1994в, с. 35). Но если мы рассматриваем добродетель вне совершения поступка, не как явленную, нам трудно судить о ее наличии, по-сему об умонастроении можно судить не просто по добродетели, а только по поступкам как явлениям (см.: AA 06, S. 70 Anm.; Кант, 1994в, с. 73 прим.), и вообще мы знаем о нашем умонастроении и измеряем его не непосредственно, но лишь по делам (см.: AA 06, S. 75–76; Кант, 1994в, с. 79). Таким образом, здесь вопрос вовсе не в том, что обладает подлинной моральной ценностью – умонастроение или поступок, а в том, что для суждения об умонастроении у нас нет иного источника, кроме лишь косвенного в виде совершенных поступков. Разумеется, все это возможно лишь потому, что теперь само умонастроение есть нечто непознаваемое. И сейчас самое время перейти к кантовским новациям в трактате «Религия в пределах одного только разума».

Кант настойчиво подчеркивает, что первое субъективное основание принятия моральных максим непостижимо (см.: AA 06, S. 21 Anm.; Кант, 1994в, с. 20 прим.): в «глубины» (AA 06, S. 63; Кант, 1994в, с. 64), в «сокровеннейшую сущность» (AA 06, S. 169; Кант, 1994в, с. 182)¹² умонастроения мы проникнуть не способны (см.: AA 06, S. 71; Кант, 1994в, с. 74). Тем самым умонастроение превращается в нумен, а рассмотрение умонастроения с самого начала происходит в рамках противопоставления *virtus noumenon* и *virtus phaenomenon* (AA 06, S. 14; Кант, 1994в, с. 17). Умонастроение есть не просто нечто интеллектуальное (см.: AA 06, S. 170 Anm.; Кант, 1994в, с. 183), а носит сверхчувственный характер (см.: AA 06, S. 67; Кант, 1994в, с. 68) и мыслится в качестве того, что обосновано сверхчувственно (см.: AA 06, S. 75 Anm.; Кант, 1994в, с. 78 прим.). Правда, даже в этом сверхчувственном человеческое умонастроение выступает лишь в качестве того, первообразом для чего является *Gesinnung* Бога (AA 06, S. 61–62; Кант, 1994в, с. 61–62).

Здесь сразу же появляется проблема возникновения, обретения, происхождения умонастроения у человека, тем более учитывая, что он несет за это ответственность. Кант предлагает довольно парадоксальное решение этой проблемы. Хотя он

p. 188n), but it has a suprasensible character (RGV, AA 06, p. 67; Kant, 2009, p. 75) and is conceived of as something that is grounded suprasensibly (RGV, AA 06, p. 75n; Kant, 2009, p. 84). True, even in suprasensibility the human *Gesinnung* is merely that of which God's *Gesinnung* is the forerunner (RGV, AA 06, pp. 61-62; Kant, 2009, pp. 67-69).

This immediately throws up the question of the emergence, acquisition and origin of man's *Gesinnung*, all the more so because man is responsible for it. Kant's solution of the problem sounds rather paradoxical. Although he declares that *Gesinnung* is an inborn attitude, all it means is that its "procurement" has not occurred in time – herein lies its "innate characteristic" (RGV, AA 06, p. 25; Kant, 2009, p. 26). "Outside time" means, in turn, in the sphere of noumen and the suprasensible in the shape of accepting *Gesinnung* through a free expression of will (*ibid.*).¹³ Because it has to do with something outside time, Kant probably believes there are grounds for maintaining that *Gesinnung* aimed at the application of freedom is one (*ibid.*), and as something suprasensible is not divisible into periods (RGV, AA 06, p. 70n; Kant, 1994c, p. 73n). From this it is clear why the problem of acquiring *Gesinnung* is not the overriding question of culture and pedagogy. This brings Kant to his impressive innovation, viz. the question of the revolution of *Gesinnung*. He contrasts the reform of empirical character (RGV, AA 06, p. 47; Kant, 1994c, p. 49) – and man himself creates character (RGV, AA 06, p. 21; Kant, 1994c, p. 21)¹⁴ – with the change in man's heart (RGV, AA 06, p. 47; Kant, 1994c, p. 50):

[...] someone should become a human being who is not merely legally but morally good (pleasing to God), i.e., virtuous in terms of [virtue's] intelligible character (*virtus noumenon*) – who, when he cognizes something as a duty, requires no other incentive beyond this presentation of duty itself – this cannot be brought about, so long as the foundation of the maxims remains impure, through gradual reform, but must be brought about through a *revolution* in the attitude in the human being (a transition to the maxim of the attitude's holiness); and he can become a new human being only through

¹³ Manfred Kühn (2007, p. 428) stresses in this connection that this is not about our own individual choice, but about the fact that *Gesinnung* is a property of the fallen human race.

¹⁴ On some problems of the connection between *Gesinnung* and character as well as possible interpretations of the revolution of *Gesinnung* cf. Blöser, 2014, pp. 109-112.

¹² Ср. с «Пикколомини» Шиллера.

и заявляет, что умонастроение оказывается неким врожденным образом мыслей, это означает лишь то, что его приобретение свершилось не во времени — в этом и состоит его «врожденность» (AA 06, S. 25; Кант, 1994в, с. 25). «Не во времени» означает, в свою очередь, — в сфере ноуменального, сверхчувственного в форме некоего принятия умонастроения свободным произволением (см.: AA 06, S. 25; Кант, 1994в, с. 25)¹³. Поскольку речь идет о чем-то вневременном, Кант, вероятно, считает вполне обоснованным утверждение о том, что умонастроение, направленное на применение свободы вообще, одно (AA 06, S. 25; Кант, 1994в, с. 25), и как нечто сверхчувственное оно не делится на периоды (см.: AA 06, S. 70 Anm.; Кант, 1994в, с. 73 прим.). Отсюда становится понятно, почему теперь проблема обретения умонастроения не является преимущественным вопросом культуры или педагогики. В этой связи Кант приходит к своей внушительной новации, а именно к вопросу о революции умонастроения. Он противопоставляет реформу эмпирического характера (см.: AA 06, S. 47; Кант, 1994в, с. 49) — а человек сам создает характер (см.: AA 06, S. 21; Кант, 1994в, с. 21)¹⁴ — изменению в сердце человека (см.: AA 06, S. 47; Кант, 1994в, с. 50):

...то, что кто-нибудь становится не только по закону, но и морально добрым (богоугодным) человеком, т. е. добродетельным по умопостигаемого характеру (*virtus noumenon*), который если он что-то признает долгом, больше уже не нуждается ни в каких других мотивах, кроме этого представления о самом долге, не может быть вызвано постепенной реформой, пока основание максим остается нечестным; а должно быть вызвано революцией в умонастроении человека (через переход к какому-либо его святости); и новым человеком он может стать только через некое возрождение, как бы через новое творение (Ин 3:5 [...]) и изменение в сердце (AA 06, S. 47; Кант, 1994в, с. 50)¹⁵.

¹³ Манфред Кюн в этой связи подчеркивает, что речь идет не о некоем индивидуальном выборе нас самих, а о том, что умонастроение есть свойство падшего человеческого рода (см.: Kühn, 2007, S. 428).

¹⁴ О некоторых проблемах связи революции в умонастроении с характером, а также возможных истолкованиях революции в умонастроении (см.: Blöser, 2014, S. 109–112).

¹⁵ Перевод исправлен по оригиналу. Ин 3:5: «Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (синодальный перевод). Ср. в «Предпочтении» Шиллера в переводе Е. Эткинда: «Сердце свое победивший — герой, восхваленя достойный; / Но победивший своим сердцем — достойней хвалы» (Шиллер, 1955, с. 217).

a kind of rebirth, as if through a new creation (John 3:5 [...]) and a change of heart (RGV, AA 06, p. 47; Kant, 2009, pp. 53-54).¹⁵

Proceeding implicitly from the “you can, therefore you must” logic Kant declares that in spite of the faulty foundation of his maxims man accomplishes this revolution himself making himself a kind man:

[...] the revolution is necessary for the way of thinking (*Denkungsart*) but the gradual reform for the way of sensing (*Sinnesart*) (which opposes the former way with obstacles); and hence [each] must also be possible for the human being. That is, if through a single immutable decision the human being reverses the supreme basis of his maxims whereby he was an evil human being (and thereby puts on a new human being) then he is, to this extent, in terms of the principle and the way of thinking (*Denkungsart*), a subject receptive to the good; but he is a good human being only in continual acting and becoming, i.e., he can hope that with such purity in the principle that he has adopted as the supreme maxim of his power of choice; and with the stability of this principle, he finds himself on the good (though narrow) path of *constant progress* from the bad to the better (RGV, AA 06, pp. 47-48; Kant, 2009, pp. 54-55).

This change looks differently in the eyes of God and in the eyes of man; for God, who is capable of penetrating into “the intelligible basis of the heart (i.e., of all maxims of the power of choice)” (RGV, AA 06, p. 48; Kant, 2009, p. 55), this infinite progress is an accomplished unity, which is why the change can rightly be called a revolution; however, for man in time the struggle against sensibility is infinitely prolonged and turns out to be a gradual reform. Nevertheless, Kant now speaks not so much about culture and discipline as about revolution: moral education must begin with the main thing — correction of the mode of thought, the assertion of character — and not with the consequences, i.e. the change of mores (*ibid.*).

¹⁵ Cf. The Holy Bible, John 3:5: “Jesus answered, ‘Verily, verily I say unto thee, unless a man be born of water and of the Spirit, he cannot enter into the Kingdom of God.’” Cf. F. Schiller “Preference”: “To triumph over the heart is great; I honour such bravery. But I // think more of him who triumphs through his heart” (Schiller, 1796 cited in Coleridge, 2002, [p. 353], entr. 3131). (Cf. “Der Vorzug”: “Über das Herz zu siegen, ist groß, ich verehere den Tapfern, // Aber wer durch sein Herz sieget, er gilt mir doch mehr” (Schiller, 1962, p. 310)).

Неявно отталкиваясь от логики «ты можешь, ибо ты должен», Кант заявляет, что, несмотря на испорченность в основании своих максим, человек собственными силами совершает эту революцию, делая себя добрым человеком:

...революция необходима для образа мыслей (*Denkungsart*), а для образа чувств (*Sinnesart*) (который препятствует ей) необходима постепенная реформа, и потому они возможны для человека. Это значит: если высшее основание своих максим, из-за которого он был злым человеком, он ниспровергает одним-единственным твердым решением (и через это облекается в нового человека), то в этом случае он по принципу и образу мыслей (*Denkungsart*) есть субъект, восприимчивый к добру, но добрый человек он только в непрерывной деятельности и созидании, т. е. он может надеяться, что при такой чистоте принципа, который он взял за высшую максиму своего произволения, и при твердости того принципа он находится на добром (хотя и узком) пути постоянного движения вперед от плохого к лучшему (AA 06, S. 47–48; Кант, 1994в, с. 50).

Эта перемена выглядит по-разному в глазах Бога и в глазах человека: для Бога, способного проникать в «интеллигибельное основание сердца (всех максим произволения)» (AA 06, S. 48; Кант, 1994в, с. 51), этот бесконечный прогресс есть некое свершившееся единство, в связи с чем изменение вправе называться революцией, однако для человека во времени борьба с чувственностью носит бесконечно долгий характер и оказывается постепенной реформой. Тем не менее Кант теперь говорит не столько о культуре и дисциплине, сколько именно о революции: моральное воспитание должно начинаться с главного — с исправления образа мыслей, с утверждения характера, а не со следствий — с изменений нравов (см.: AA 06, S. 48; Кант, 1994в, с. 51).

Революция в умонастроении приводит к творению нового человека, противопоставляемого Кантом ветхому человеку, и этот новый человек рассматривается им двойственно: как «интеллигибельное существо» (AA 06, S. 74; Кант, 1994в, с. 77) в своем преобразенном умонастроении и как все то же физическое существо, подлежащее моральному суду и наказанию в смысле ветхого человека за его поступки и умонастроение до свершившейся революции. Страдания же и беды ветхого человека истолковываются кёнигсбергским философом как повод к испытанию и упражнению для преобразенного умонастроения нового человека (см.: AA 06, S. 75 Anm.; Кант, 1994в, с. 78 прим.).

The revolution in *Gesinnung* leads to the creation of a new man whom Kant contrasts with the ancient man, the new man having a dual nature: as “an intelligible being” (RGV, AA 06, p. 74; Kant, 2009, p. 83) in his transformed *Gesinnung* and as still a physical being subject to moral judgement and punishment in the sense of the ancient man for his acts and *Gesinnung* before the revolution. Meanwhile Kant interprets the trials and tribulations of the ancient man as a pretext for the trial and exercise of the new man’s transformed *Gesinnung* (RGV, AA 06, p. 75n; Kant, 2009, p. 84n).

But how exactly does the transition from the evil to the virtuous *Gesinnung* happen? Does the above-said mean that there can only be one revolution and that it is irreversible? And that after it takes place only the degree of approximation to good in the earthly life in the process of reformation may differ substantially from person to person even with a kind *Gesinnung*? Considering Kant’s thesis on necessity of *Gesinnung* and its suprasensible character, these questions are particularly difficult to answer and if an answer is at all possible it would most likely be apophatic, i.e. proceeding from the lack of time in the intelligible. Thus Kant maintains: “[...] the transformation of the evil human being’s attitude into that of a good human being must be posited in the change, in conformity with the moral law, of the supreme inner basis for the adoption of all his maxims, insofar as this new basis (the new heart) is now itself unchangeable” (RGV, AA 06, p. 51; Kant, 2009, p. 58). In this connection what comes to the fore is the theme of the constancy of the new *Gesinnung* of progress towards the good (RGV, AA 06, pp. 14, 67; Kant, 2009, pp. 13-14, 75), while good *Gesinnung* brings confidence in its stable and durable character (RGV, AA 06, pp. 70-71; Kant, 2009, p. 79). Kant uses the term *Sinnesänderung* to describe “[...] An exit from evil and an entry into the good, the putting off of the old human being and the putting on of the new one,” when “the subject dies unto sin (hence also unto all inclinations insofar as they mislead us into sin) in order to live unto justice” (RGV, AA 06, p. 74; Kant, 2009, pp. 82-83). To the best of my knowledge Kant uses this term only in *Religion within the Bounds of Bare Reason* (RGV, AA 06, pp. 166, 173, 174, 183, 188, 196n), interpreting it as the putting on of the new man and a second birth (RGV, AA 06, p. 196n; Kant, 2009, p. 217n).

In Kant’s time probably the most authoritative author on the issue of *Sinnesänderung* was Siegmund

Но каким конкретно способом осуществляется этот процесс перехода от порочного умонастроения к добропорядочному? Означает ли сказанное выше, что революция может быть только одна и она необратима? И что после ее свершения лишь степень приближения к добру в земной жизни может в процессе реформирования существенно отличаться у того или иного человека даже при добром умонастроении? Учитывая кантовский тезис о непознаваемости умонастроения, его сверхчувственном характере, отвечать на эти вопросы особенно трудно, а если и возможно, то, скорее, лишь апофатически, то есть отталкиваясь от отсутствия времени в интеллигибельном. Так, Кант утверждает: «... превращение умонастроения злого человека в умонастроение доброго человека заключается в изменении высшего внутреннего основания принятия всех его максим сообразно с нравственным законом, поскольку это новое основание (новое сердце) теперь само неизменно» (AA 06, S. 51; Кант, 1994в, с. 54). В этой связи на первый план у него выходит тема постоянства этого нового умонастроения продвижения к добру (см.: AA 06, S. 14, 67; Кант, 1994в, с. 17, 69), и само благое умонастроение привносит доверие к его прочности и устойчивости (AA 06, S. 70–71; Кант, 1994в, с. 72–73). «Исход из зла и вступление в добро, совлечение ветхого человека и облечение в нового», при котором «субъект умирает для греха (следовательно, и для всех склонностей, поскольку они на это соблазняют), чтобы жить по справедливости», Кант описывает при помощи термина *Sinnesänderung* (AA 06, S. 74; Кант, 1994в, с. 77). Это понятие он употребляет, насколько я могу судить, лишь в «Религии в пределах одного только разума» (см.: AA 06, S. 166, 173, 174, 183, 188, 196 Anm.), понимая его как облечение в нового человека и второе рождение (см.: AA 06, S. 196 Anm.; Кант, 1994в, с. 215 прим.).

Вероятно, одним из наиболее авторитетных авторов в вопросе *Sinnesänderung* во времена Канта был старший брат известного метафизика, Зигмунд Якоб Баумгартен (1706–1757). В «Подробном изложении теологической морали» он посвящает даже главу «Von der Sinnesänderung oder Bekehrung» этой теме (Baumgarten, 1767, S. 314–373). Сам Кант объяснял *Bekehrung*, или некое моральное либо религиозное исправление, в отличие от просто улучшения следующим образом: «Улучшение (*Beßerung*) имеется, если живут иначе; обращение (*Bekehrung*) же, если обладают прочным основоположением и прочным основанием никогда не жить иначе, кроме как добродетельно» (AA 28, S. 1576). И здесь снова видны точки пересечения кантовских рассуждений с пиетизмом времен его юности.

Jacob Baumgarten (1706–1757), the brother of a well-known metaphysician. In *Ausführlicher Vortrag der theologischen Moral* he devotes a whole chapter, “Von der Sinnesänderung oder Bekehrung”, to this topic (Baumgarten, 1767, pp. 314–373). Kant himself explained *Bekehrung*, or a moral or religious conversion, unlike mere improvement, in the following way: “Improvement (*Beßerung*) is when people live differently; conversion (*Bekehrung*) is when they have a determination and a solid foundation for never living in any other than a virtuous way”¹⁶ (*V-Mo/Mron*, AA 27, p. 1576). Here again we see a convergence of Kant’s reflections with the pietism of his youth.

Kant’s treatise on religion has new terms compared with his previous ethical writings. They are *Herzengesinnung*¹⁷ (RGV, AA 06, pp. 115, 159, 184) and *Religionsgesinnung* (RGV, AA 06, pp. 147, 170n, 182, 201). Religious *Gesinnung* is a subjective suprasensible principle of morality within us inherent in the unknowable property of freedom (RGV, AA 06, p. 170n; Kant, 2009, p. 187n). The religion of reason developed by Kant presupposes a morally good *Gesinnung* (RGV, AA 06, p. 116; Kant, 2009, p. 128), the service of the heart in *Gesinnung* aimed at observance of commandments (RGV, AA 06, p. 192; Kant, 2009, p. 213). Kant’s interpretation of prayer as the animation of *Gesinnung* (RGV, AA 06, p. 195n; Kant, 2009, p. 216n), as the awakening of *Gesinnung* in the soul (*Gemüt*) (RGV, AA 06, p. 193; Kant, 2009, p. 214) is also unusual. The true spirit of prayer, according to Kant, is “a heartfelt wish to be pleasing to God in all our doing and refraining, i.e. the attitude, accompanying all our actions, of pursuing these as if they were done in the service of God [...]” (RGV, AA 06, pp. 194–195; Kant, 2009, p. 216). A renewed ritual of communion may be a means of animating within the church community “the moral attitude of brotherly love as which this community is conceived” (RGV, AA 06, p. 200; Kant, 2009, p. 220).

Conclusion

Speaking about the late *Metaphysics of Morals* (1797–1798), in my opinion, Kant added nothing new to the concept of *Gesinnung*. Some specificities may include direct identification of morality with

¹⁶ “*Beßerung ist, wenn man anders lebt, Bekehrung aber ist, wenn man den festen Grundsatz und die sichere Grundlage hat, daß man niemahls anders als tugendhaft leben werde.*”

¹⁷ In these cases the proposed variant of Russian translation – “*umonastroenie*” – is particularly problematic.

В трактате Канта о религии по сравнению с предыдущими этическими произведениями появляются и новые термины — *Herzensgesinnung*¹⁶ (AA 06, S. 115, 159, 184) и *Religionsgesinnung* (AA 06, S. 147, 170 Anm., 182, 201). Религиозное умонастроение есть субъективный сверхчувственный принцип моральности в нас, заложенный в непостижимом свойстве свободы (см.: AA 06, S. 170 Anm.; Кант, 1994в, с. 183 прим.). Разрабатываемая Кантом религия разума предполагает в качестве необходимого морально доброе умонастроение (см.: AA 06, S. 116; Кант, 1994в, с. 123), служение сердца в умонастроении, направленном на соблюдение заповедей (см.: AA 06, S. 192; Кант, 1994в, с. 210). Необычна также кантовская интерпретация молитвы как оживления умонастроения (см.: AA 06, S. 195 Anm.; Кант, 1994в, с. 213 прим.), как пробуждение умонастроения в душе (*Gemüt*) (см.: AA 06, S. 193; Кант, 1994в, с. 211). Подлинный дух молитвы есть, по Канту, «сердечное желание стать угодным Богу во всем нашем поведении, т. е. сопровождающее все наши действия умонастроение совершать последние как нечто происходящее на службе Богу...» (AA 06, S. 194–195; Кант, 1994в, с. 213)¹⁷. Некий же обновленный обряд причащения может выступить средством оживления церковной общины «для представляемого в этом образе нравственного умонастроения братской любви» (AA 06, S. 200; Кант, 1994в, с. 219).

Заключение

Если говорить о поздней «Метафизике нравов» (1797–1798), то, на мой взгляд, в этом произведении в отношении понятия умонастроения Кант уже не добавил ничего нового. К некоторым особенностям можно отнести, пожалуй, прямые отождествления моральности с умонастроением, противопоставляемые легальности (см.: AA 06, S. 392, 393; Кант, 2019, с. 51, 53), толкование добродетели как основанного в упроченном умонастроении совпадении воли со всяким долгом (см.: AA 06, S. 395; Кант, 2019, с. 57), а также латинский эквивалент *animus* для *Gesinnung* (AA 06, S. 477; Кант, 2019, с. 233; ср. AA 19, S. 235, Refl. 7050).

Подводя некоторые итоги, следует сказать: тот факт, что перевод кантовского термина *Gesinnung* вызывает затруднения у многих переводчиков на

Gesinnung contrasted with legality (MS, AA 06, p. 392, 393; Kant, 1996b, p. 522, 523), the interpretation of virtue as based on coincidence of the will with any duty based on strengthened *Gesinnung* (MS, AA 06, p. 395; Kant, 1996b, p. 525), as well as the Latin equivalent of *animus* for *Gesinnung* (MS, AA 06, p. 477; Kant, 1996b, p. 591; cf. Refl 7050, AA 19, p. 235; Kant, 2005, p. 458).

The following can be said by way of a summing up: the fact that the translation of Kant's term *Gesinnung* challenges many translators in various European languages has serious causes connected with pre-Kantian history as well as with Kant's attempts to express too much through this term. Owing to biblical connotations but particularly to Kant's contemporaries such as A.G. Baumgarten, Crusius and Mendelssohn, this concept gradually acquired various philosophical and theological meanings which provided a kind of foundation for Kant. Kant himself substantially transformed this concept in the critical period such that his ethical works and the treatise on religion constitute phases in understanding the term *Gesinnung*. It was Kant who decisively turned this specific word into a pivotal concept of German philosophical language, although today it bears an imprint of post-Kantian history. Still it remains underestimated in the framework of Kant's practical philosophy, in spite of the fact that it distils Kantian differentiation of ethics and law, the link between ethics and religion as well as many distinctive features of Kant's moral philosophy. A certain chaos in translation, reigning in Russian editions of Kant, is due to the chronology of their publication as well as the complexities of Kant's language and Kant's philosophy. Even so, in spite of some problems with the choice of this variant for *Religion within the Bounds of Bare Reason*, I believe that Russian translations on the whole would gain if *umonastronie* were adopted as the standard Russian translation of the Kantian concept in his critical works.

References

- Baumgarten, S.J., 1767. *Ausführlicher Vortrag der theologischen Moral, mit einer Vorrede von J.S. Semler*. Halle: Gebauer.
- Blöser, C., 2014. *Zurechnung bei Kant. Zum Zusammenhang von Person und Handlung in Kants praktischer Philosophie*. Berlin: de Gruyter.
- Coleridge, S.T., 2002. *The Notebooks of Samuel Taylor Coleridge. Volume 2: 1804–1808, Notes*. Edited by K. Coburn. New York: Routledge.

¹⁶ В этих случаях предложенный вариант перевода — «умонастроение» — становится особенно проблематичным.

¹⁷ Перевод исправлен по оригиналу.

разные европейские языки, имеет серьезные основания, связанные как с докантовской предысторией, так и с попытками Канта выразить слишком многое при помощи данного термина. В силу библейских коннотаций, а также благодаря в первую очередь таким кантовским современникам, как А.Г. Баумгартен, Крузий и Мендельсон, это понятие постепенно обросло разнообразными философскими и теологическими смыслами, выступившими для Канта в качестве некоей основы. Сам Кант существенно трансформировал это понятие в критический период, так что его этические произведения и трактат о религии составляют некие две фазы в понимании термина *Gesinnung*. Именно Кант решающим образом превратил это специфическое слово в знаковое для немецкого философского языка понятие, хотя ныне оно и несет на себе следы в том числе послекантовской истории. Тем не менее в рамках самой практической философии Канта оно остается по-прежнему недооценено, несмотря на то что в нем выкристаллизовались кантовские различия этики и права, связь этики и религии, а также многие своеобразные черты кантовской моральной философии. Некоторый хаос с переводом, царящий в русских изданиях Канта, объясняется как долгой хронологией их выхода, так и сложностями самого кантовского языка и кантовской философии. Однако, несмотря на ряд проблем с выбором данного варианта для «Религии в пределах одного только разума», мне представляется, что русские переводы все же в целом выиграли бы, если бы стандартным переводом для этого кантовского понятия в критических произведениях стало бы русское «умонастроение».

Список литературы

Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / пер. Г.Г. Шпета. М. : Изд-во соц.-эк. лит-ры, 1959.

Гегель Г.В.Ф. Философская пропедевтика / пер. Б.А. Драгуна // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. М. : Мысль, 1971. Т. 2. С. 7–212.

Гегель Г.В.Ф. Философия духа / пер. Б.А. Фохта // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М. : Мысль, 1977. Т. 3.

Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. Б.Г. Столпнера, М.И. Левиной. М. : Мысль, 1990.

Кант И. Кантово основание для метафизики нравов / пер. Я.А. Рубана. Николаев : Типогр. Черноморского штурманского училища, 1803.

Кант И. Критика практического разума / пер. Н.М. Соколова. СПб. : Издание книжного магазина М.В. Попова, 1897.

Кант И. Религия в пределах только разума / пер. Н.М. Соколова. СПб. : Издание В.И. Яковенко, 1908.

Gesellschaft von Gelehrten, ed. 1798. *Vollständiges Deutsch-Russisches Lexicon, nach dem grossen grammatikalisch-kritischen Wörterbuche des Herrn Adelung ausgearbeitet, und mit allen zu vollkommenen Kenntniß der deutschen Sprache nöthigen Phraseologien und Erläuterungen versehen, Volume 1*. St. Petersburg: Kayserliche Buchdruckerey.

Hake, A.-K., 2003. *Vernunftreligion und historische Glaubenslehre. Immanuel Kant und Hermann Cohen*. Würzburg: Königshausen & Neumann.

Hegel, G.W.F., 1959. *Fenomenologija dukha [The Phenomenology of Spirit]*. Translated by G.G. Shpet. Moscow: Izdatelstvo sotsialno-ekonomicheskoi literatury. (In Rus.)

Hegel, G.W.F., 1971. *Filosofskaja propedevtika [Philosophical Propaedeutics]*. In: G.W.F. Hegel, 1971. *Raboty raznykh let [Works of Different Years]*, Volume 2. Translated by B.A. Dragun. Moscow: Mysl, pp. 7-212. (In Rus.)

Hegel, G.W.F., 1977. *Filosofija dukha [The Philosophy of the Spirit]*. In: G.W.F. Hegel, 1977. *Enciklopedija filosofskikh nauk [Encyclopedia of Philosophical Sciences]*, Volume 3. Translated by B.A. Fokht. Moscow: Mysl. (In Rus.)

Hegel, G.W.F., 1986. *Texte zur Philosophischen Propädeutik*. In: G.W.F. Hegel, 1986. *Werke in 20 Bänden, Volume 4*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, pp. 9-304.

Hegel, G.W.F., 1989. *Phänomenologie des Geistes*. In: G.W.F. Hegel, 1989. *Werke in 20 Bänden, Volume 3*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, pp. 11-591.

Hegel, G.W.F., 1990. *Filosofija prava [The Philosophy of Right]*. Translated by B.G. Stolpner and M.I. Levina. Moscow: Mysl. (In Rus.)

Hegel, G.W.F., 1992. *Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse (1830)*. In: G.W.F. Hegel, 1992. *Gesammelte Werke, Volume 20*. Herausgegeben von der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Hamburg: Meiner, pp. 1-572.

Hegel, G.W.F., 2009. *Grundlinien der Philosophie des Rechts*. In: G.W.F. Hegel, 2009. *Gesammelte Werke, Volume 14.1*. Herausgegeben von der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Hamburg: Meiner, pp. 5-280.

Heym, J., 1801. *Slovar nemetsko-rossiyskiy i rossiysko-nemetskiy staraniyem I. Geyma [German-Russian and Russian-German Dictionary of Diligence by J. Heym]*, Volume 1. Riga: Hartmann.

Kant, I., 1803. *Kantovo osnovanie dlia metafiziki нравов [Groundwork of the Metaphysics of Morals]*. Translated by Y.A. Ruban. Nikolaev: Tipografiia Chernomorskogo shturmanskogo uchilishcha. (In Rus.)

Kant, I., 1897. *Kritika prakticheskogo razuma [Critique of Practical Reason]*. Translated by N.M. Sokolov. St. Petersburg: Izdanie knizhnogo magazina M.V. Popova. (In Rus.)

Kant, I., 1908. *Religiia v predelakh tolko razuma [Religion within the Bounds of Bare Reason]*. Translated by N.M. Sokolov. St. Petersburg: Izdanie V.I. Yakovenko. (In Rus.)

Kant, I., 1912. *Osnovopolozhenie k metafizike нравов [Groundwork of the Metaphysics of Morals]*. Translated by L.D.B. Edited by V.M. Khvostov. Moscow: Tipografiia Vilde. (In Rus.)

Kant, I., 1965a. *Kritika prakticheskogo razuma [Critique of Practical Reason]*. In: I. Kant, 1965. *Sobranie sochinenii v 6 t. [Collected Works in 6 Volumes]*, Volume 4 (1). Edited by V.F. Asmus. Moscow: Mysl, pp. 311-504. (In Rus.)

Кант И. Основоположение к метафизике нравов / пер. Л.Д.Б. под ред. В.М. Хвостова. М. : Типогр. Вильде, 1912.

Кант И. Критика практического разума // Собр. соч. : в 6 т. / под ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М. : Мысль, 1965а. Т. 4 (1) / под ред. В.Ф. Асмуса. С. 311–504.

Кант И. Об изначально злом в человеческой природе // Собр. соч. : в 6 т. / под ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М. : Мысль, 1965б. Т. 4 (2) / под ред. В.Ф. Асмуса. С. 5–58.

Кант И. Основы метафизики нравственности // Собр. соч. : в 6 т. / под ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М. : Мысль, 1965в. Т. 4 (1) / под ред. В.Ф. Асмуса. С. 219–310.

Кант И. Критика практического разума / сверка М.М. Беляева // Собр. соч. : в 8 т. / под ред. А.В. Гулыги. М. : Чоро, 1994а. Т. 4. С. 373–565.

Кант И. Основоположения метафизики нравов / сверка И.С. Андреевой // Собр. соч. : в 8 т. / под ред. А.В. Гулыги. М. : Чоро, 1994б. Т. 4. С. 153–146.

Кант И. Религия в пределах только разума // Собр. соч. : в 8 т. / под ред. А.В. Гулыги. М. : Чоро, 1994в. Т. 6. С. 5–223.

Кант И. Критика практического разума // Соч. на нем. и рус. яз. / под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М. : Московский философский фонд, 1997а. Т. 3 / под ред. Э.Ю. Соловьева, А.К. Судакова. С. 277–733.

Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Соч. на нем. и рус. яз. / под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М. : Московский философский фонд, 1997б. Т. 3 / под ред. Э.Ю. Соловьева, А.К. Судакова. С. 39–276.

Кант И. Метафизика нравов. Ч. 2 : Метафизические основные начала учения о добродетели // Соч. на нем. и рус. яз. / под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М. : Канон+, 2019. Т. 5, ч. 2 / под ред. А.А. Гусейнова, А.К. Судакова. С. 13–261.

Словарь немецко-российский и российско-немецкий стараниями И. Гейма. Рига : Гартман, 1801. Ч. 1.

Шиллер Ф. Эпиграммы // Собр. соч. : в 7 т. М. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1955. Т. 1. С. 206–221.

Baumgarten S.J. Ausführlicher Vortrag der theologischen Moral mit einer Vorrede von J.S. Semler. Halle : Gebauer, 1767.

Blöser C. Zurechnung bei Kant. Zum Zusammenhang von Person und Handlung in Kants praktischer Philosophie. Berlin : de Gruyter, 2014.

Hake A.-K. Vernunftreligion und historische Glaubenslehre. Immanuel Kant und Hermann Cohen. Würzburg : Königshausen & Neumann, 2003.

Hegel G.W.F. Texte zur Philosophischen Propädeutik // Werke in 20 Bänden. Frankfurt a/M : Suhrkamp, 1986. Bd. 4. S. 9–304.

Hegel G.W.F. Phänomenologie des Geistes // Werke in 20 Bänden. Frankfurt a/M : Suhrkamp, 1989. Bd. 3. S. 11–591.

Hegel G.W.F. Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse (1830) // Gesammelte Werke / hrsg. von der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Hamburg : Meiner, 1992. Bd. 20. S. 1–572.

Hegel G.W.F. Grundlinien der Philosophie des Rechts // Gesammelte Werke / hrsg. von der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Hamburg : Meiner, 2009. Bd. 14. 1. S. 5–280.

Kant I. Religia w obrębie samego rozumu / tłum. A. Bobko // Kant I. Dzieła zebrane. Toruń : Wydawnictwo UMK, 2011. Т. 5 : Religia w obrębie samego rozumu. Spór fakultetów. Metafizyka moralności. S. 11–194.

Kant, I., 1965b. Ob iznacionalno zlom v chelovecheskoj prirode [On the Radical Evil of Human Nature]. In: I. Kant, 1965. *Sobranie sochinenii v 6 t.* [Collected Works in 6 Volumes], Volume 4 (2). Edited by V.F. Asmus. Moscow: Mysl, pp. 5-58. (In Rus.)

Kant, I., 1965c. Osnovy metafiziki npravstvennosti [Groundwork of the Metaphysics of Morals] In: I. Kant, 1965. *Sobranie sochinenii v 6 t.* [Collected Works in 6 Volumes], Volume 4 (2). Edited by V.F. Asmus. Moscow: Mysl, pp. 219-310. (In Rus.)

Kant, I., 1994a. *Kritika prakticheskogo razuma* [Critique of Practical Reason]. In: I. Kant, 1994. *Sobranie sochinenii v 8 t.* [Collected Works in 8 Volumes], Volume 4. Edited by A.V. Gulyga, revised by M.M. Belyaev. Moscow: Choro, pp. 373-565. (In Rus.)

Kant, I., 1994b. *Osnovopolozhenie k metafizike npravov* [Groundwork of the Metaphysics of Morals]. In: I. Kant, 1994. *Sobranie sochinenii v 8 t.* [Collected Works in 8 Volumes], Volume 4. Edited by A.V. Gulyga, revised by I.S. Andreeva. Moscow: Choro, pp. 153-146. (In Rus.)

Kant, I., 1994c. *Religiia v predelakh tolko razuma* [Religion within the Bounds of Bare Reason]. In: I. Kant, 1994. *Sobranie sochinenii v 8 t.* [Collected Works in 8 Volumes], Volume 6. Edited by A.V. Gulyga. Moscow: Choro, pp. 5-223. (In Rus.)

Kant, I., 1997a. *Kritika prakticheskogo razuma* [Critique of Practical Reason]. In: I. Kant, 1997. *Sochineniia na nemetskom i russkom yazyke* [Works in German and Russian]. Edited by N.V. Motroshilova and B. Tuschling. Volume 3. Edited by E.Y. Solovyev and A.K. Sudakov. Moscow: Moskovskii filosofskii fond, pp. 277-733. (In Rus.)

Kant, I., 1997b. *Osnovopolozhenie k metafizike npravov* [Groundwork of the Metaphysics of Morals]. In: I. Kant, 1997. *Sochineniia na nemetskom i russkom yazyke* [Works in German and Russian]. Edited by N.V. Motroshilova and B. Tuschling. Volume 3. Edited by E.Y. Solovyev and A.K. Sudakov. Moscow: Moskovskii filosofskii fond, pp. 39-276. (In Rus.)

Kant, I., 2019. *Metafizika npravov: Metafizicheskie osnovnyie nachala ucheniia o dobrodeteli* [The Metaphysics of Morals: Metaphysical First Principles of the Doctrine of Virtue]. In: I. Kant, 2019. *Sochineniia na nemetskom i russkom yazyke* [Works in German and Russian]. Edited by N.V. Motroshilova and B. Tuschling. Volume 5 (2). Edited by A.A. Guseynov and A.K. Sudakov. Moscow: Kanon+, pp. 13-261. (In Rus.)

Kant, I., 1996a. *Critique of Practical Reason*. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Edited by M. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 133-271.

Kant, I., 1996b. *The Metaphysics of Morals*. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Edited by M. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 353-603.

Kant, I., 2005. *Notes and Fragments*. Edited by P. Guyer, translated by C. Bowman, P. Guyer, F. Rauscher. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2009. *Religion within the Bounds of Bare Reason*. Translated by W.S. Pluhar. Indianapolis & Cambridge: Hackett.

Kant, I., 2011. *Religia w obrębie samego rozumu*. Translated by A. Bobko. In: I. Kant, 2011. *Dzieła zebrane. Volume 5: Religia w obrębie samego rozumu. Spór fakultetów. Metafizyka moralności*. Toruń: Wydawnictwo UMK, pp. 11-194.

Konhardt K. Die Unbegreiflichkeit der Freiheit. Überlegungen zu Kants Lehre vom Bösen // Zeitschrift für philosophische Forschung. 1988. № 42. S. 397–416.

Kühn M. Kant. Eine Biographie / aus dem Englischen von M. Pfeiffer. München : C.H. Beck, 2007.

Vollständiges Deutsch-Russisches Lexicon, nach dem grossen grammatikalisch-kritischen Wörterbuche des Herrn Adelung ausgearbeitet, und mit allen zu vollkommenen Kenntniß der deutschen Sprache nöthigen Phraseologien und Erläuterungen versehen / hrsg. von einer Gesellschaft von Gelehrten. St. Petersburg : Kayserliche Buchdruckerey, 1798. Bd. 1.

Об авторе

Алексей Николаевич Круглов, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Россия.

E-mail: akrouglov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1152-1309>

Для цитирования:

Круглов А.Н. О роли умонастроения (Gesinnung) в этике и философии религии Канта. Часть 2 // Кантовский сборник. 2019. Т. 38, № 4. С. 34–50. doi: 10.5922/0207-6918-2019-4-2

Konhardt, K., 1988. Die Unbegreiflichkeit der Freiheit. Überlegungen zu Kants Lehre vom Bösen. *Zeitschrift für philosophische Forschung*, 42, pp. 397-416.

Kühn, M., 2007. *Kant. Eine Biographie*. Translated by M. Pfeiffer. München.

Schiller, F., 1962. *Tabulae Votivae*. In: F. Schiller, 1962. *Sämtliche Werke*. 3. Auflage, Band 1. Edited by G. Fricke, H.G. Göpfert and H. Stubenrauch. München: Hanser, pp. 303-315.

The Holy Bible, 21st Century King James Version (KJ21): 1994. Gary: Deuel Enterprises.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Prof. Dr. Alexei N. **Krouglov**, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

E-mail: akrouglov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1152-1309>

To cite this article:

Krouglov, A.N., 2019. On the Role of *Gesinnung* in Kant's Ethics and Philosophy of Religion. Part II. *Kantian Journal*, 38(4), pp. 34-50. <http://dx.doi: 10.5922/0207-6918-2019-4-2>